

Религиоведение. 2024. № 1. С. 104–111.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 1. P. 104–111.

DOI: 10.22250/20728662_2024_1_104

Гиринский А.А.

*Международная лаборатория исследований русско-европейского
интеллектуального диалога
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; agirinskiy@gmail.com*

«Агония Христа длится вечно»: роль христианских символов в философии культуры Мераба Мамардашвили

Аннотация. В данной статье представлен анализ философского метода Мераба Мамардашвили с акцентом на исследование роли христианского символа. В своём творчестве Мамардашвили уделяет много внимания символу и его роли в человеческой культуре, однако, несмотря на многочисленные исследования этих аспектов его философии, ранее не проводился подробный содержательный анализ того, какие символы обладают для философа большим или меньшим значением. Во многом трудности с определением этих аспектов связаны со специфичностью жанра философского творчества Мераба Мамардашвили – устным характером его рассуждений и монологов, что затрудняет выстраивание системы его философии и препятствует категоризации основных позиций. Тезисом данной статьи является утверждение, что ключевым «символом» в философии культуры Мамардашвили является образ Христа и сюжет, связанный с его искупительной жертвой («агония Христа»). Доказывается, что Мамардашвили придавал большое значение христианским сюжетам и принципам в своей философии несмотря на то, что он прямо оговаривал светский характер своего философствования. Именно через тематизацию данного образа Мамардашвили проговаривает и обосновывает многие ключевые темы своей философии: различие между подлинным и неподлинным существованием, свободой и принуждением, цивилизованным и нецивилизованным состоянием культуры и общества. Мамардашвили отстаивает «мистический» характер символизма в культуре, однако при этом старается избежать религиозно-метафизического языка. Отдельное внимание в статье уделено также тому, как христианские «символы» в философии Мамардашвили связаны с другими важными аспектами его философии: трансцендентализмом, проблемой мышления, сознания и теорией познания.

Ключевые слова: философия, сознание, спасение, усилие, символ, религия, христианство, искупительная жертва

Alexander A. Girinsky

*International Laboratory for Research on Russian-European Intellectual Dialogue
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
agirinskiy@gmail.com*

“The Agony of Christ Lasts Forever”: The Role of Christian Symbols in the Philosophy of Culture by Merab Mamardashvili

Abstract. This article proposes an analysis of Merab Mamardashvili's philosophical method, with an emphasis on the study of the role of religious symbols. In his work, Mamardashvili pays a lot of attention to symbols and their role in human culture. However, despite numerous studies of these aspects of his philosophy, no meaningful analysis has been carried out regarding which symbols are more or less significant to the philosopher. In many ways, the difficulty in defining these aspects is related to the specific nature of the genre of Merab Mamardashvili's philosophical work – the oral nature of his arguments and monologues, which makes it difficult to construct a system of his philosophy and hinders the categorization of its basic positions. The thesis of this article is that the key “symbol” in Mamardashvili's philosophy of culture is the image of Christ, and the plot associated with His atoning sacrifice (“the Agony of Christ”). It is proved that Mamardashvili attached great importance to Christian themes and principles in his philosophy, even though he directly stipulated the secular nature of his philosophizing. Through the thematization of this image, Mamardashvili pronounces and submits many of the main themes of his thought. Mamardashvili defends the “mystical” nature of symbolism in culture, but at the same time, he tries to avoid metaphysical language. In the article, special attention is paid to how Christian “symbols” in Mamardashvili's philosophy are connected to other important aspects of his philosophy, such as transcendentalism, the problem of consciousness, and the theory of knowledge.

Key words: philosophy, consciousness, salvation, effort, symbol, religion, Christianity, atoning sacrifice

Особенности философии Мераба Мамардашвили

Философское творчество Мераба Мамардашвили является сложным для анализа феноменом советской философской культуры, в первую очередь потому, что оно настойчиво ускользает от какой-либо категоризации. Во многом эта сложность обусловлена самим характером философствования Мамардашвили: доминированием устной формы над письменной, метафорическим апофатическим стилем рассуждения, вольным обращением с академическими философскими традициями и т.д.

Философия для Мамардашвили – не свод правил и не набор теорий, а работа сознания, которая свойственна каждому человеку, и которая «мертва», если не происходит «здесь и сейчас»: «Я хочу подчеркнуть, что философом является каждый человек – в каком-то затаённом уголке своей сущности» [Мамардашвили, 2004, 87]. Этим объясняется и его внимание к устной форме: философия – «это сознание вслух», то, что записано, уже не является актом мышления, так как остаётся в «прошлом», а мышление «в прошлом» невозможно. Философия тавтологична, потому что она всего лишь «проговаривает» то, что делает возможным всё остальное. Философ В.А. Подорога по этому поводу отмечает: «Каждая из лекций, прочитанная Мерабом Константиновичем, является безначальной в самом начале, эти лекции каждый раз себя как-то повторяют» [Подорога, 1999, 135].

Мамардашвили полагает, что без философии, без философского акта невозможны никакие состояния, которые мы можем назвать «сознательными». «Иными словами, философия не преследует никаких целей, помимо высказывания вслух того, от чего отказаться нельзя. Это просто умение отдать себе отчёт в очевидности – в свидетельстве собственного сознания» [Мамардашвили, 2004, 88].

Почти вся философская «работа» Мамардашвили посвящена важной задаче – прояснению того, как возможна сознательная, подлинная и осмысленная жизнь. Различие подлинного и неподлинного, вечного и настоящего, постоянного и случайного является определяющим для его философии. Структура и внутренняя логика аргументации Мамардашвили построены по принципу постоянной демонстрации выбора между «жизнью» и её копией, миром и «антимиром», «сознанием» и его отсутствием. Субъектом данного выбора может быть только человек. Более того, в процессе этого выбора он и возникает как свободное и независимое существо, как личность. От интенсивности задавания философских вопросов зависит то, насколько «реальную жизнь» человек проживает. «Для чего вообще всё это? Для чего мироздание? Для чего “я” и мои переживания? А эти вопросы задаются именно потому, что в этом мироздании живёт существо, которое не создано, а создаётся. Непрерывно, снова и снова» [Мамардашвили, 2004, 90].

Философское вопрошание, таким образом, становится условием воспроизводства человека и его свободы. Иными словами, философия – это не просто интеллектуальное занятие, которым можно заниматься, а можно не заниматься, она – само условие «сознательной» жизни. На этом этапе понимание смысла и задачи философии у Мамардашвили становится «религиозным». Он сам постоянно акцентирует на этом внимание, поясняя свои главные идеи через религиозные символы. Ведь мышление – это не просто процесс, это задача человека, через решение которой он созидает сам себя, или, если угодно, «спасается от самого себя», в сотериологическом смысле [Соловьев, 2009].

Религия и культура же, по Мамардашвили, – это особые символические системы, через которые человек может осуществить задачу своего существования, исполнить своё предназначение. Эти символы задают предельный горизонт смыслов и ценностей, стремясь к которым, человек обретает себя, «спасается» в религиозном смысле этого слова. Важно понимать, отмечает Мамардашвили, что символы являются лишь ориентиром, но никогда не могут быть воплощены в реальности. Большая опасность, считает Мамардашвили, заключена в том, чтобы пытаться воплотить идеи, заключённые в символах, в действительности, в буквальном их выражении. «Ведь культура – это понимание смысла того, что сказано, то есть понимание лишь символического значения различения. В этом смысле религия по сравнению с алхимией была культурой, а алхимия – это паракультура, так как действительно религиозные люди прекрасно понимали, что идея царства Божия на земле не есть идея

некого реально достижимого идеала, к которому человеческий род устремлён и который возможен в будущем» [Мамардашвили, 1995, 113]. Из стремления воплотить в жизни «реальное» содержание символов рождаются проекты утопий, например, социализма: «первоначальные формулы социалистической мысли выступают как теургический акт реального перевоплощения в жизни» [Мамардашвили, 1995, 113].

Символизм, сознание и европейская культура

Стоит отметить, что в постоянном подчёркивании ложности буквального прочтения религиозных символов Мамардашвили достаточно органично вписывается в русскую философскую традицию. Как известно, эту тему поднимали многие русские религиозные философы: В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк. Тема утопии и ложности и её философских предпосылок – одна из важнейших тем в философии Мамардашвили. Мамардашвили уверен, что утопия – это самонадеянная попытка «снять» раздвоенность мира, устранить сложность и амбивалентность культуры, которая обеспечивается только человеческим «усилием» и обращённостью к «вечной реальности», выражаемой через религиозные символы.

Утопия – это мир без символов, то есть плоская, выхолощенная реальность, где религиозный символизм культуры полностью редуцирован и является основанием для построения программы революционных политических действий. Именно поэтому утопии, с точки зрения Мамардашвили, всегда оборачиваются в реальности своей противоположностью: насилием, рабством, подавлением свободы человека.

Утопическое мышление, по Мамардашвили, по определению противоположно истинному религиозному и философскому суждению, так как обращено не к человеку и его свободе, а к внешним условиям жизни. Этот аспект отмечает исследователь А.В. Поляков: «Создаётся пространство некоторого «движения без движения»: с одной стороны, главной характеристикой сознания является его автономность, с другой – это автономность описывается через основание, которое имеет независимый от события сознания статус» [Поляков, 2021, 5–6]. Таким образом, утопическое сознание считает самого человека лишь производным от этих оснований и условий, отказывая ему в свободе и личностном «усилии». Мамардашвили полагает, что такие попытки неизбежно обречены на провал, так как игнорируют тот факт, что что-то «настоящее» возможно построить исключительно через «усилие» каждого отдельного человека, через акт свободного мышления, в котором человек обращается к высшим символам и через это обращение воспроизводит и каждый раз «воссоздаёт» себя как свободное существо. Историк психологии Д.А. Леонтьев выделяет эту черту философии Мамардашвили как основную: «Понятие усилия – одно из главных, служащих для объяснения, что и как происходит с нами в подлинной жизни» [Леонтьев, 2011, 6].

Для объяснения этого процесса Мамардашвили вводит особый термин: «состояние сознания». Так как само сознание невозможно непротиворечиво описать, не попав в ловушку парадокса самореференции, Мамардашвили разделяет сознание и те условия, которые его создают. Условия важнее, так как именно от их «работы» зависит сознательная жизнь. В свою очередь, существование этих условий связано с «символическим порядком», который конституирует человеческое «усилие» по поддержанию работы сознания, обеспечивает связность и последовательность человеческих мыслей и действий. Исследовательница Д.Э. Гаспарян отмечает: «Состояние сознания – это те операции сознания, которые приводят к его продуктивности, но сами при этом не подлежат осознанию. Эти операции находятся не «внутри» психического акта, ибо вообще не имманентны психике. Если нами понимается нечто, то те законы, по которым понимание происходит, не могут быть поняты, они не могут стать содержанием самого понимающего опыта» [Гаспарян, 2019, 34]. Философия Мамардашвили – это апология индивидуального усилия и личностной свободы: «Человек – это существо, которое всегда находится в состоянии становления, и вся история его может быть определена как история усилия стать человеком. Человек не существует – он становится...» [Мамардашвили, 2004, 28].

Если человек становится человеком через «подключение» к некой символической системе, то закономерно возникает вопрос: кем и каким образом эта система задана? Мамардашвили не даёт прямого ответа на этот вопрос, но указывает нам

на тот факт, что эта система является производной от христианской религии, или, что более точно в отношении философии Мамардашвили, христианского нарратива. Мамардашвили, по всей видимости, не верит в существование трансцендентного Бога и никогда не переходит на трансцендентный метафизический язык. Философ отдельно оговаривает, что он «...если и верующий, то не в конфессиональном смысле слова, а только в философском. Философия – это совсем не то, что богословие, но мне случается порой прибегать и к религиозным символам – они кажутся мне очень значительными; кристаллизуя возможности, варианты и константы человеческой души, они остаются прозрачными – сквозь них легко узнаются и расшифровываются реальные критерии» [Мамардашвили, 2022]. Мамардашвили считает существование «символов» трансцендентальным, в кантовском смысле слова. «Символы» ничего не описывают и сами как будто «не существуют» до тех пор, пока к ним не обращается человек. Но в момент «подключения» человека к символическому порядку символы работают как «порождающие идеи». «Символ», таким образом, не существует, а порождает, создаёт человеческое усилие, сознательные акты человеческой жизни, в конечном счёте, саму человеческую культуру. С.А. Нижников отмечает: «Мамардашвили указывает, что “топос”, место идеи, где-то не в пространстве-времени. Она, можно сказать, является духовным символом. Это понятие не метафизически-космологическое, а регулятивно-трансцендентальное (вспомним Канта)» [Нижников, 2022]. Трансцендентальное, при этом, это не просто кантовское априори, а то, что «открывает», «порождает» становление человека, мысли и свободного действия [Файбышенко, 2018].

Христианская «символическая система», по мнению Мамардашвили, имеет не только метафизическое, но и историческое значение [Мотрошилова, 1999]. В знаменитом интервью «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно» Мамардашвили упоминает Чаадаева, который, по мнению Мамардашвили, впервые поставил вопрос о том, в какой мере Россия участвует в «идейном движении человечества». Поясняя свою мысль, Мамардашвили говорит о том, что Чаадаев полагал, что это «движение» было «организовано вокруг христианской оси» [Мамардашвили, 2004, 151].

Иными словами, христианская система символов и образов является точкой отсчёта для всей западной культуры, а значит, и философии. Нетрудно продолжить эту мысль: раз человек создаёт себя через философию, то это создание, «второе рождение» невозможно без обращения к христианским символам, так как они задают основу всей идейной и ментальной конструкции Запада.

Здесь стоит отметить, что Мамардашвили в целом свойственно представление о линейном развитии западной культуры – от христианства к Новому времени и современной западной демократии. Идейная преемственность данных феноменов кажется ему очевидной, так как смыслообразующим сюжетом всех этих этапов является идея свободной личности и самосозидания человека. Этот аспект отмечает историк философии А.В. Моисеев: «с одной стороны, европейская форма исторического бытия рядоположна и потому условна, но, с другой стороны, её рациональность и ориентированность на личностную перспективу сообщает ей универсальность» [Моисеев, 2015, 26].

В серии интервью «Мысль под запретом» Мамардашвили отмечает следующее: «Классическую европейскую культуру, то есть ту, что складывается к началу XVII века на гребне возрожденческого подъёма, можно определить как культуру христианскую. Что возрождалось в эпоху Возрождения? Два элемента: с одной стороны, идея права, существовавшая в греко-римском мире, а с другой стороны, *идея внутренней речи, идея Евангелия как прямой речи, прямого взаимоотношения между Богом и человеком*, которому не нужны посредники, не нужна церковная иерархия, не нужен внешний авторитет» [Мамардашвили, 2022]. И далее уточняет ещё более прямо: «По-моему, *Просвещение и Евангелие (ибо это вещи взаимосвязанные)* совершенно необходимы» [Мамардашвили, 2022].

Современный исследователь философии Мамардашвили Д.Г. Рындин отмечает парадоксальность этого сравнения, ведь исторически греко-римский мир и Евангелие, христианское богословие, как мы знаем, находились и находятся в го-

раздо более сложных отношениях [Рындин, 2016]. Более того, идея «прямой речи» и отсутствия «церковных посредников» скорее отсылает нас к богословию Реформации, а не к тем сюжетам, о которых говорит Мамардашвили. Ответ, который мы можем дать, может быть достаточно условным: Мамардашвили, по всей видимости, не интересуют «историко-философские» аспекты взаимоотношений этих двух культур в академическом смысле, он видит возможность объединяющей идеи, символа, и этому придаёт первостепенное значение.

Образ Христа как «символ» вечности культуры

Центральным элементом христианской культуры является сам образ Христа. Мамардашвили неоднократно обращается к нему всегда, когда рассуждает о том, чем подлинное отличается от неподлинного, настоящее от искусственного. Более того, «символ» Христа важен для Мамардашвили всегда, когда речь идёт о самых важных и фундаментальных аспектах его философии – о понимании реальности и времени, жизни и смерти, человеческой души и её свободы. Например: «Я надеюсь, вы теперь понимаете, что *тканью нашей души играет то, что уже символизировано образом Христа*, взявшего на себя все грехи или, если угодно, склонности людей (в которых они никогда не признаются). Это Он их довершает так, что можно всех, которые были этими склонностями поражены, любить. Собою искупает» [Мамардашвили, 1995, 535].

Важнейшим элементом для Мамардашвили также является сюжет «агонии Христа», его жертвенного подвига. Через этот «символ» Мамардашвили проводит важнейшее функциональное разделение в своем философском языке, между подлинным и иллюзорным, изменчивым. Он говорит следующее: «...если я понимаю, что значит символ или факт распятого Христа, то он ещё не умер» [Мамардашвили, 1995, 544]. Это означает, что понимание как акт познания всегда направлено на те объекты, которые являются феноменами иного порядка бытия, платоновского «мира идей», который существует в вечности и никогда не изменяется, всегда пребывая в одном и том же состоянии. «Распятие Христа», таким образом, это не только и не столько историческое или даже религиозное событие, это символ того, что «настоящее» всегда находится «за границей мира» и может держаться и воспроизводиться за счёт специфического человеческого «усилия», обращённого к вечности.

В советское время, как известно, Мамардашвили был одним из участников большой научной дискуссии о роли символа в культуре, его идеи имели перекички и с западными работами по этой проблематике [Никитин, 2015; Penchev, 2015; Комаров, 2021; Поляков, 2020]. О роли идеи и «символа» в философии Мамардашвили пишет исследователь С.А. Нижников: «Идея символизирует собой бесконечный горизонт сущности вещи. Она есть абсолютный предел, за которым и поверх которого уже ничего нет и ничего не может быть сказано. Поэтому идее не с чем уподобляться, ибо она есть родительница всякого принципа подобия. Поэтому, она не может быть схватываема им самим, как невозможно видеть свой собственный глаз, с помощью которого, однако, видится всё» [Нижников, 2022].

Мамардашвили приводит много примеров того, как возможна «настоящая реальность», существование которой обеспечивается «усилием» и символическим актом. Фальшивая любовь и фальшивая дружба отличаются от настоящих тем, что они существуют в мире изменчивости, непостоянства, где всё заканчивается, всё проходит и ничего не бывает равно себе. Мамардашвили пишет, что если кто-то любит женщину за то, что она молода, красива и сексуально привлекательна, то это означает лишь тот факт, что, когда она перестанет таковой быть, что неизбежно с течением времени, эта «любовь» закончится. Так как любое чувство, основанное на привязанности к фактичности, конечно. Это означает, что если существует «вечная любовь», то она существует как моё усилие, обращённое к «иному миру», символу «вечной любви», миру идеальных, неизменных сущностей. С.А. Нижников отмечает: «...это попытка пробудиться от сна, “повернуть глаза души” от теней к свету, попытка обратиться к самому сознанию, его непосредственной символической, от бесконечного тасования колоды бесконечных карт – символической того, что познать не дано» [Нижников, 2022]. Христианские же «символы», главным из которых является образ Христа, являются «указаниями» на этот мир, чём-то, что «выдёргивает» человека

из мира обыденности и непостоянства, создаёт условия для совершения того «усилия», через акт которого возможен мир как «настоящее», «истинное» бытие. Мамардашвили пишет: «...уникальным и только тобою выполнимым является то усилие, тот акт, без которого в мире что-то не происходит, чего-то не будет. В этом никто тебя заменить не может. Но можно от этого убежать, и *убегание это может рождать чувства, похожие на человеческие*» [Мамардашвили, 1995, 219].

Сюжет, связанный с иллюзорным существованием, в котором мир «похож» на реальность, но таковым не является, – важнейший для Мамардашвили. В религиозном смысле можно было бы сказать, что это мир абсолютного, последовательного атеизма, то есть мир, где утрачена символическая составляющая культуры, а следовательно, человек «лишь человек» и всё вокруг «слишком человеческое». В таком мире человек не способен на воспроизводство свободы, любви, чести и достоинства, так как эти события возможны только как мистические, связанные с интуицией иного, более реального и «настоящего» мира. Без религиозно-мистического чувства, полагает Мамардашвили, достоинство человека воплотить невозможно.

Мамардашвили прямо называет ощущение «настоящего» мистическим чувством: «Так, мы считаем, что Христа распяли и агония его случилась. *А мистическое ощущение – это ощущение себя присутствующим во всем мире, во всех событиях мира*, они случаются тогда, когда я присутствую. И поэтому распятие Христа принадлежит человеческой истории в той мере, в какой оно есть длящееся или неслучившееся событие, *внутри которого мы не должны спать. Это событие длится вечно*» [Мамардашвили, 1995, 302].

Через необходимость постоянного обращения к «вечному событию», к «агонии Христа» Мамардашвили объясняет и само существование человеческой цивилизации. В мире ничего не существует само по себе. Человеческие отношения и человеческие институты, обеспечивающие свободу и развитие обществ, должны поддерживаться каждодневным «усилием» каждого члена общества по воспроизводству этих правил и установлений. Невозможно выстроить свободу и справедливость один раз и думать, что после этого она будет существовать сама по себе, так как она не существует как самостоятельный объект, она существует только через выполнение акта усилия, который каждый человек должен постоянно воспроизводить, обращаясь через «символические системы» к вечному миру, черпая оттуда возможности для поддержания «порядка» в мире, в котором он живёт. Используя религиозный язык, можно было бы сказать, что, если ты не рождаешь каждый день в своей душе Христа, не проходишь с ним те испытания и страдания, которые он проходил, не сверяешь себя с ним, ты не существуешь, ты лишь «исполняешь», «играешь» своё существование. По сути, это и есть та «устойчивость», которая, с точки зрения Мамардашвили, «порождается каждым».

Г.Т. Маргвелашвили иронично сравнивает саму манеру философствования Мамардашвили с проповедью: «Он читает лекции, на которых он *как Христос, он там мучается*, потому что для него говорить философски – это акт создания...» [Маргвелашвили, 1999, 89]. Образ Христа для Мамардашвили – символ постоянной необходимости порождать себя и мир вокруг усилием существования, устремлённостью к «вечности».

Заключение

Данное исследование показало, что религиозные символы являются важными элементами философской «системы» Мераба Мамардашвили. Несмотря на тот факт, что сам Мамардашвили подчёркивает «нерелигиозный» характер своего философствования, стоит признать значимость мистических и эзотерических компонентов в его философском творчестве.

Ключевым религиозным символом для Мамардашвили является образ Христа. В философии Мамардашвили он служит центральным элементом для выстраивания трансцендентальной онтологии. Христос, в понимании Мамардашвили, вечный символ человечности, подлинности и устремлённости человеческой жизни к вечности. С Христом необходимо «сверять» свою жизнь, через мистическое «усилие» преодолевая «соблазны» удобного, комфортного, но иллюзорного существования в секулярной реальности.

Мамардашвили никак отдельно не ставит под вопрос проблематику общества модерна и теории секуляризации. Стоит зафиксировать, что философия для Мамардашвили выступает прямым наследником религиозного мышления. Можно сказать, что религиозное в секулярном мире, по Мамардашвили, сохраняется в форме высокого философского мышления. Религиозные сюжеты, теряя своё буквальное прочтение, становятся «символами», удерживающими современную секулярную культуру от окончательного распада и хаотизации. Величие европейской культуры Мамардашвили связывал именно с сохранением религиозного духа и религиозного понимания человека. Представляется, что приведённые соображения могут стать основой для дальнейших исследований философии Мамардашвили в этом ключе через анализ проблематики общества модерна и диалектики секулярного и постсекулярного.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Acknowledgement

The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics

Библиографический список

1. Гаспарян, Д.Э. Необъективируемая природа сознания в трансцендентализме М. Мамардашвили / Д.Э. Гаспарян // Антиномии. – Т. 19. – № 2. – 2019. – С. 25–44.
2. Комаров, С.В. Топологическая метафизика сознания М.К. Мамардашвили / С.В. Комаров // Новые идеи в философии. – 2021. – № 8 (29). – С. 50–63.
3. Леонтьев, Д.А. Философия жизни М. Мамардашвили и её значение для психологии / Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2011. – №1. – С. 2–12.
4. Мамардашвили, М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Сознание и цивилизация. Тексты и беседы / М.К. Мамардашвили. – М.: Логос, 2004. – С. 149–166.
5. Мамардашвили М.К. Европейская ответственность / М.К. Мамардашвили // Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. – М.: Логос, 2004. – С. 26–29.
6. Мамардашвили, М.К. Лекции о Прусте / М.К. Мамардашвили. – М., Ad Marginem, 1995. – 545 с.
7. Мамардашвили, М.К. Мысль под запретом [Электронный ресурс] / Мамардашвили. – URL: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/avtobiograficheskoe/mysl-pod-zapretom.-mesto-filosofii-v-sovetskoj-sisteme1> (дата обращения 12.09.2022).
8. Мамардашвили, М.К. Философия – сознание вслух / М.К. Мамардашвили // Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. – М.: Логос, 2004. – С. 87–103.
9. Маргевалашвили, Т.Г. Свообразие философии М. Мамардашвили / Т.Г. Маргевалашвили // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М., 1999. – С. 80–89.
10. Моисеев, А.В. Феноменология философской культуры в концепции М.К. Мамардашвили / А.В. Моисеев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 22–27.
11. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и феноменология как центральные темы философии М.К. Мамардашвили / Н.В. Мотрошилова // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М., 1999. – С. 17–32.
12. Нижников, С.А. Постигание Мамардашвили. Часть 2. Символ и сознание в творчестве М.К. Мамардашвили [Электронный ресурс] / С.А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2015. – Т. 8. – Вып. 2. – URL: 2227-9490e-aprovr_ast7-1.2014.23 (дата обращения 12.09.2022).
13. Никитин, А.А. Эволюция рассмотрения проблемы сознания в исследованиях российской философии советского периода (Выготский, Ильенков, Мамардашвили) / А.А. Никитин // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2015. – № 3. – С. 58–61.
14. Подорога, В.А. Начало в пространстве мысли (Мераб Мамардашвили и Марсель Пруст) / В.А. Подорога // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М., 1999. – С. 125–138.
15. Поляков, А.В. Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М.К. Мамардашвили) / А.В. Поляков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 395–403.

16. Поляков, А.В. М.К. Мамардашвили об утопическом мышлении: от логики мифа к логике символической / А.В. Поляков // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2021. – № 3. – С. 1–14.
17. Рындин, Д.Г. Проблема события и внутреннее слово в интерпретации М.К. Мамардашвили / Д.Г. Рындин // Научный журнал «ВЕСТНИК РГГУ». – 2016. – №3 (5). – С. 19–27.
18. Соловьев, Э.Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили / Э.Ю. Соловьев // Мераб Константинович Мамардашвили [серия Философия России второй половины XX века]. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 174–202.
19. Файбышенко, В.Ю. Пустая форма и начало истории: трансцендентальная философия рождения у Мераба Мамардашвили / В.Ю. Файбышенко // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 13–31.
20. Penchev, V. Mamardashvilli, an observer of the totality. About «Symbol and consciousness», and the cross between East and West, Infinity and Finiteness / V. Penchev // Labour and Social Relations Journal. – 2018. – Vol. 29. – No. 2. – P. 189–199.

Текст поступил в редакцию 23.05.2023.

Принят к печати 21.06.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Faibysenko V.Yu. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. 2018, vol. 2, no. 4, pp. 13–31 (in Russian).
2. Gasparyan D.E. *Antinomii* [Antinomies]. 2019, vol. 19, no. 2, pp. 25–44 (in Russian).
3. Komarov S.V. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy] 2021, no. 8 (29), pp. 50–63 (in Russian).
4. Leont'ev D.A. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology]. 2011, no. 1, pp. 2–12 (in Russian).
5. Mamardashvili M.K. *Leksii o Pruste* [Lectures on Proust]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1995, 545 p. (in Russian).
6. Mamardashvili M.K. *Mysl' pod zapretom* [Thought is forbidden] Available at: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/avtobiograficheskoe/mysl'-pod-zapretom.-mesto-filosofii-v-sovetskoj-sisteme1> (accessed: 12.09.2022) (in Russian).
7. Mamardashvili M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya. Teksty i besedy* [Consciousness and civilization. Texts and conversations]. Moscow: “Logos” Publ., 2004, pp. 87–103 (in Russian).
8. Mamardashvili M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya. Teksty i besedy* [Consciousness and civilization. Texts and conversations]. Moscow: “Logos” Publ., 2004, pp. 149–166 (in Russian).
9. Mamardashvili M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya. Teksty i besedy* [Consciousness and civilization. Texts and conversations]. Moscow: “Logos” Publ., 2004, pp. 26–29 (in Russian).
10. Margevalashvili T.G. *Kongenial'nost' mysli. O filozofe Merabe Mamardashvili* [Congeniality of thought. About philosopher Merab Mamardashvili]. Moscow, 1999, pp. 80–89 (in Russian).
11. Moiseev A.V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Social Sciences]. 2015, no. 3, pp. 22–27 (in Russian).
12. Motroshilova N.V. *Kongenial'nost' mysli. O filozofe Merabe Mamardashvili* [Congeniality of thought. About philosopher Merab Mamardashvili]. M., 1999, pp. 17–32 (in Russian).
13. Nikitin A.A. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of RUDN University. Philosophy]. 2015, no. 3, pp. 58–61 (in Russian).
14. Nizhnikov S.A. *Ehlektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh. Prostranstvo i Vremya* [Almanac Space and Time]. 2015, vol. 8, is. 2. Available at: 2227-9490e-aprov_e-ast7-1.2014.23 (accessed: 12.09.2022) (in Russian).
15. Penchev V. Mamardashvilli, an observer of the totality. About “Symbol and consciousness”, and the cross between East and West, Infinity and Finiteness. *Labour and Social Relations Journal*. 2018, vol. 29, no. 2, pp. 189–199 (in English).
16. Podoroga V.A. *Kongenial'nost' mysli. O filozofe Merabe Mamardashvili* [Congeniality of thought. About philosopher Merab Mamardashvili]. Moscow, 1999, pp. 125–138 (in Russian).
17. Polyakov A.V. *Gumanitarnyi vestnik MGTU im. N.E.H. Baumana* [Humanitarian Bulletin of MSTU]. 2021, no. 3, pp. 1–14 (in Russian).
18. Polyakov A.V. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Perm University]. 2020, no. 3, pp. 395–403 (in Russian).
19. Ryndin D.G. *Nauchnyi zhurnal VESTNIK RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. 2016, no. 3 (5), pp. 19–27 (in Russian).
20. Solov'ev E. Yu. *Merab Konstantinovich Mamardashvili (seriya Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka)* [Existential Soteriology of Merab Mamardashvili] [Merab Konstantinovich Mamardashvili (Series “Philosophy of Russia of the second half of the 20th century”)]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2009, pp. 174–202 (in Russian).

Submitted for publication: May 23, 2023.

Accepted for publication: June 21, 2023.

Published: March 28, 2024.